

балтийских образцов. Среди находок выделяются более ранние (X—XI вв.), чье бытование не выходит за XI в., и более поздние, появившиеся на рубеже X—XI вв. и просуществовавшие до XII—XIII вв.

Большинство материалов X—XI вв. имеют аналоги и в древностях Прибалтики, и в местных более ранних памятниках — длинных курганах, женский инвентарь которых признается исследователями балтским. Почти все комплексы с этими предметами имеют смешанный балтославянский характер. Основное распространение балтских находок этого времени приходится на пограничные районы и северо-восточную Белоруссию. На основании исследуемого материала можно полагать, что в указанных районах в X—XI вв. обитало население, сохранившее еще свои балтские традиции в материальной культуре и тесно связанное различного рода контактами с племенами Прибалтики.

Другая часть балтских находок (фибулы с маковидными, утолщенными и зооморфными концами), датирующаяся XI—XII вв., происходит из комплексов с древнерусскими материалами, не имеет аналогий в местных ранних древностях, параллели обнаруживаются только на территории Прибалтики. Предметы этого времени встречены на более широкой территории, захватывающей бассейн левых притоков Днепра. Такие типы балтских украшений распространились благодаря связям культурно-экономического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляўданскі А. Н. Археалёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. — Працы археалёгічнай камісіі Беларускай АН. Мінск, 1930, т. 2.
2. Ляўданскі А. Н. Археалёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Мінскай акругі. — Працы катэдры археалёгіі Беларускай АН. Мінск, 1928, т. 1.
3. LAR. — Riga: Zinatne, 1974.
4. LAA. — V.: Mokslas, 1978, т. 4.
5. Шноре Э. Д., Зариня А. Э., Дайга И. В. Нукшинский могильник. — МИАЛ, 1957, т. 1.
6. Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. E1-8.
7. Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., I. — Tartu-Dorpat, 1929.
8. Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения правобережной Дисны в Виленском округе БССР. — КСИИМК, 1945, вып. 11.
9. Сергеева З. М. Курганы у д. Новинки. — КСИА, 1975, вып. 144.
10. Karnups A. Die Haupttypen der lettischen Halsringe in der jüngeren Eisenzeit. — In: Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1928.
11. Сергеева З. М. К изучению культурно-экономических связей западнорусских земель с Прибалтикой. — КСИА, 1981, вып. 164.
12. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
13. Lietuvių liaudies menas, kn. 1. — V.: Valst. grož. lit. leidykla, 1958.
14. Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX—XII amžiais. — V.: Mintis, 1970.
15. Brivkalne E. Tērvetes saktas. — AE, 1974, XI.
16. Cehak-Ноћубовичова Н. Materiały i zagadnienia smentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w pow. Postawskim. — RA. Wilno, 1937, т. 1.
17. Сергеева З. М. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси. — КСИА, 1977, вып. 150.

18. Штыхаў Г. В. Вывучэнне курганоў Полацкай зямлі. — БС. Мінск, 1972.
19. Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. LAB. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961.

BALTISCHE FUNDE IN DEN HÜGELGRÄBERN WESTRUSSLANDS

S. Sergejewa

Z u s a m m e n f a s s u n g

In den altrussischen hemisphärischen Hügelgräbern des 10. bis 13. Jahrhunderts auf dem Territorium Westrusslands hebt sich eine Gruppe von Funden heraus, die Analogien zum Altertum der Balten aufweisen. Zu ihnen gehören Halsringe mit abgeflachten Enden, gewundene Halsringe mit Ösen an den Enden, Halsringe mit tordierten Enden, hohlwändige, dreieckige Armringe mit breiten Enden, Spiralfingerringe und Hufeisenfibeln mit Mohnkopft-, Tierkopf- und verbreiteten Enden (Abb. 1, Abb. 3). Die Orte dieser Funde liegen vorwiegend in den Gebieten, die an das Baltikum grenzen, und im Oberen Dneprland (Abb. 2). Die Erforschung solcher Funde aus der Vorzeit gibt die Möglichkeit, den folgenden Schluss über ihre Herkunft zu ziehen: die meisten Funde aus dem 10. und 11. Jahrhundert sind mit der Kultur der ortsansässigen urbaltischen Bevölkerung verbunden. Der andere Teil der gefundenen Gegenstände ging unmittelbar aus dem Gebiet des Baltikum ein. Die Schmuckgegenstände aus dem 11. bis 12. Jahrhundert wurden dank der kulturellen und Handelsbeziehungen der altrussischen Bevölkerung mit den baltischen Stämmen verbreitet.

СТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Я. Граудонис (Рига)

Исследование развития строительства в каком-либо ареале имеет большое научное значение, ибо оно дает представление об уровне развития материальной культуры, условиях повседневной жизни населения и общественных отношениях обитателей данного региона. Элементы и приемы строительства могут указать и на этнические особенности. Однако плохая сохранность остатков жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений, открытых археологами, размеры раскопок, не позволяющие полностью открыть обнаруженные объекты строительства, ограничивают возможности исследователей.

В основу настоящего исследования легли материалы пяти полностью (Брикули, Винакалнс, Диевукалнс, Кивуткалнс, Мукукалнс) и девяти частично (Асотское, Дигнайское городища, Кентескалнс, Клангюкалнс, Паплака и др.) исследованных городищ — укрепленных поселений на территории Латвийской ССР. Используются также сведения, опубликованные литовскими (Р. Куликаускаене, П. Куликаускас, Е. Григалавичене, В. Даугудис) и белорусскими (А. Г. Митрофанов, Я. Зверуго) археологами.

В области распространения штрихованной керамики [1, рис. 1: 2] в период от II—I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. характерным, хотя и не единственным типом поселений, были городища — укрепленные поселения [2, с. 21; 3, с. 187; 4, с. 18]. В этом

ареале они появились на рубеже II—I тысячелетия до н. э. (Даугмале, Диевукалнс, Большое городище в Наркунай, Неверишке). В первой половине и середине I тысячелетия до н. э. они стали доминирующим типом поселений, но уже к концу этого тысячелетия и в начале н. э. часть из них (Аугустовское городище, Великушкес, Клангюкалнс, Винакалнс, Неверишке и др.) остались незаселенными [5, с. 29–31; 6, стр. 69–75]. Исследование этих поселений позволяет охарактеризовать топографию укрепленных поселений, проследить планировку их застройки, а также в известной мере выяснить развитие элементов и приемов строительства жилых и хозяйственных построек и оборонительных сооружений.

Топографию укрепленных поселений определяли требования обороны и характер комплексного хозяйства [6, стр. 69–71; 7, с. 10]. Участвовавшие враждебные столкновения между общинами, развитие оружия (лук со стрелами, копье, пращ) привели к тому, что для обеспечения безопасности поселений они устраивались в труднодоступных местах: на отдельно стоящих моренных холмах (рис. 1), с отвесными склонами (Дукштас, Неверишке, Винакалнс, Свентес Замки, Зборовичи, городище у села Горани и др.), на возвышенностях у слияния рек (Курмайчай, Даугмале, Кокнесе, Кимийское, Новосельское городища) или на концах моренных гряд, окруженных кручами (Асоте, Тервете, Оздятичское городище, Лабенщина). Для скотоводства были выгодны места с обширными поймами, а для примитивного земледелия требовались легкие почвы. Малая продуктивность производящих отраслей хозяйства определила экономическую важность рыболовства и охоты. Поэтому при выборе мест для поселений учитывалось наличие и богатых рыбой водоемов, и лесных массивов для охоты.

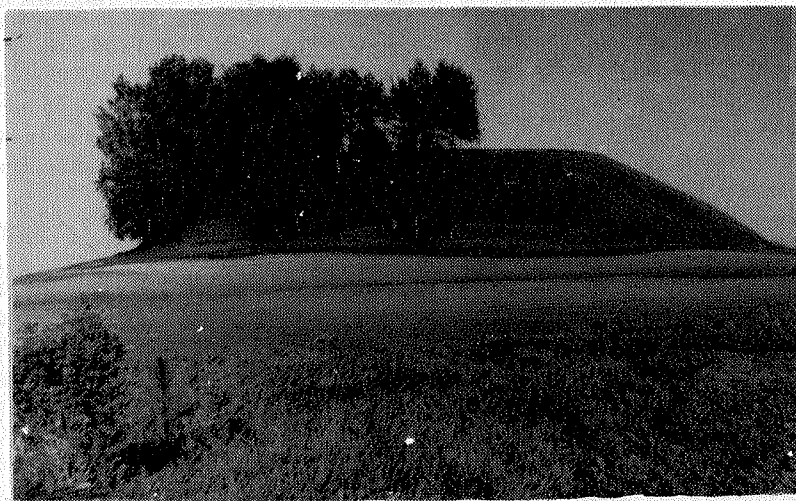

Рис. 1. Городище — укрепленное поселение Кивуткалнс. Латвийская ССР

В отличие от открытых стоянок каменного века и ранней бронзы, размеры которых во время их существования достигали нескольких тысяч м² (Лагажа на территории Латвии — 10 тыс., Абора I — 25 тыс. м²), размеры укрепленных поселений были небольшие (площадка Аугустовского городища — 30x35, Кимийского — 63x42 м, Винакалнса — 550 м², изредка достигают 5 тыс. м²). Их размеры определялись величиной площадок выбранных мест, а также соображением, что легче защищать меньшую территорию.

Небольшие размеры поселений нового типа определяли четкую и рациональную планировку застройки. На всей территории распространения штрихованной керамики независимо от хронологических различий обнаруживается однородная застройка укрепленных поселений [6, атт. 28; 8, с. 63–68]. Центр поселения занимает незастроенный двор. По всей вероятности, двор использовался для общественных мероприятий, проводимых жителями поселения, для загона скота, а также для проведения работ, которые невозможно выполнить в тесных жилых постройках. Застройка двора в отдельных случаях наблюдается на позднейших этапах существования укреплений (Малышки, Васильковка) и объясняется необходимостью разместить на ограниченной территории поселения возросшее количество членов общины. Двор окружала полоса жилых и хозяйственных построек, которую в свою очередь опоясывала оборонительная система [6, атт. 28; 8, с. 63–68].

В начальный период существования укрепленные поселения не имели искусственных земляных оборонительных сооружений (Готовичи, Кивуткалнс и др.). Древнейшие искусственные укрепления представляли собой заборы (Аугустовское городище, Великушкес, Винакалнс, Асоте и др.), следы которых прослеживаются в виде столбовых ям (рис. 2, а) [9, Abb. 4; 10, атт. 8: б, атт. 13: 1, таб. 11: 3]. Площадку Асотского городища опоясывал забор, состоящий из кольев, вбитых попарно на расстоянии 2–3 м друг от друга и переплетенных сучьями деревьев [11, с. 55, рис. 78], площадку Большого городища в Наркунай защищал двойной тын [12, с. 452]. На городище Мукукалнс в зависимости от крутизны склона забор-плетень был построен в 2–3 ряда (рис. 2, б). Такие простые заборы встречаются в первой половине I тысячелетия до н. э. В середине этого тысячелетия и позже строились уже более мощные деревянные оборонительные сооружения — палисады (рис. 3, б). Следы таких палисадов (рис. 3, а) в системе укреплений обнаруживаются в виде рвов [10, таб. I: 5б, II: 2, 4а, б]. Во второй половине и конце I тысячелетия до н. э. появляются оборонительные стены столбовой конструкции (Диевукалнс, Лабенщина и др.) из горизонтально расположенных между столбами бревен [13, стр. 120] и даже сооружения срубной конструкции (Кивуткалнс, Винакалнс).

Около середины I тысячелетия до н. э. началось укрепление поселений земляными валами и рвами. По мнению А. Г. Митрофанова,

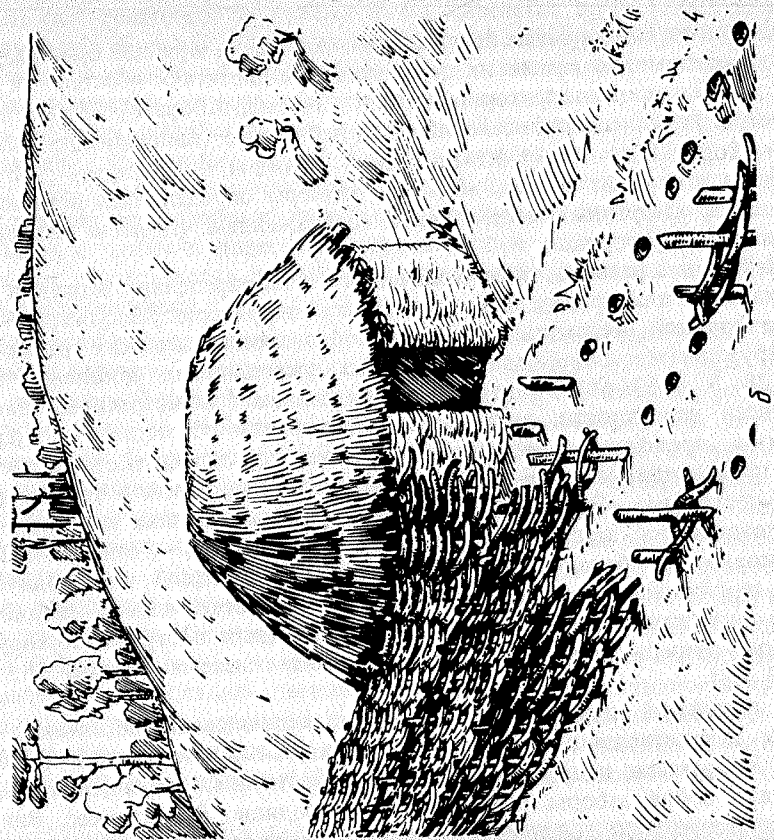
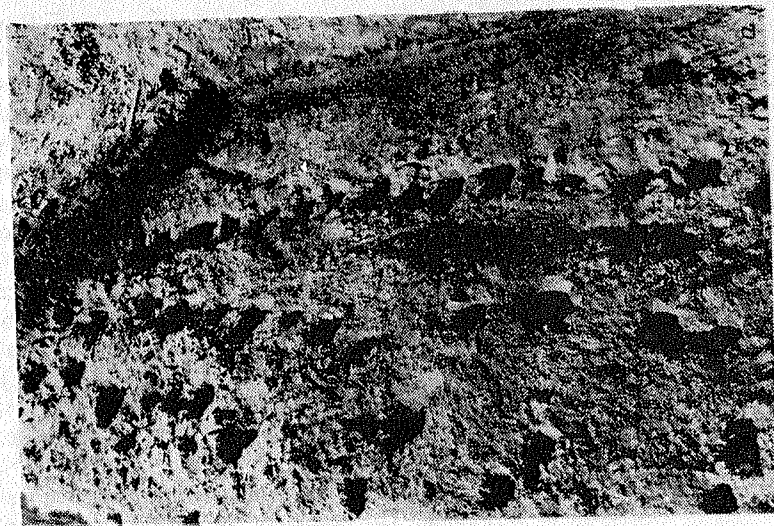

Рис. 2. Ряды столбовых ям на склоне городища Мухукалнс (а) и реконструкция оборонительного забора и постройки (б)

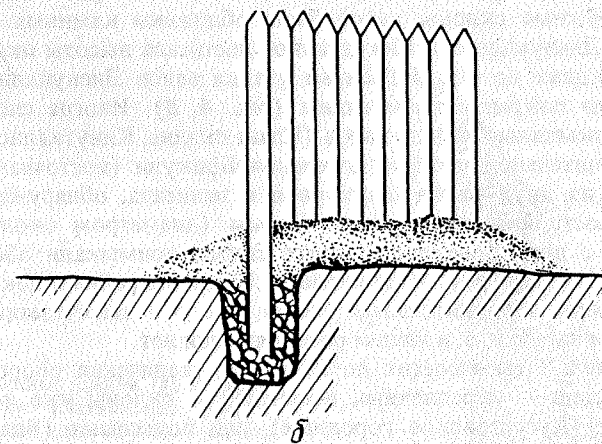
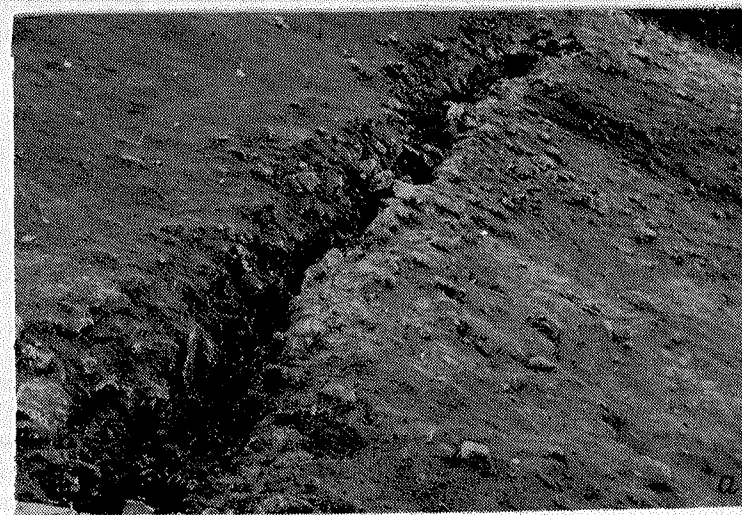

Рис. 3. Ров на краю городища - место палисада (а) и реконструкция палисада (б)

сооружение земляных валов на территории Белоруссии началось около IV—III вв. до н. э. [3, с. 187; 7, с. 14]. К началу н. э. Р. Куликаускас и П. Куликаускас относят подковообразный вал Большого городища в Наркунай [12, с. 452]. В Латвии древнейшая оборонительная система укрепленного поселения Диевукалнс (на правом берегу Даугавы), датируемая серединой и даже первой половиной I тысячелетия до н. э., была уже комплексной. Она состояла из вала шириной 1 и высотой до 0,5 м с забором столбовой конструкции на гребне и рва шириной 2—3 и глубиной 0,5 м. Система следующего этапа застройки (середина I тысячелетия до н. э.) состояла из вала (высота 1 м) с забором

на гребне, наружная сторона которого была обложена крупными валунами. К внутренней стороне вала тесно примыкала защитная стена из горизонтально сложенных бревен. Она одновременно служила наружной стеной сруба величиной 2,5x3 м [13, стр. 118—120]. В начале н. э. обнаруживаются валы высотой до 3 м (Диевукалнс и др.) и выше, иногда строятся по два таких вала. В Белоруссии отмечено сооружение валов не только по краям площадок, но и по склонам или у подножия городищ (Лабенщина и др.).

Нет сомнений, что такие сложные оборонительные системы появились тогда, когда строительство отдельных элементов (заборов разной конструкции, валов и рвов) было усвоено, когда практика уже доказала преимущество более сложных защитных систем. Усиление обороноспособности валов достигалось увеличением высоты насыпей и крутизны их склонов. Для упрочения валов в их ядре сооружали каменные кладки (Клангюкалнс), параллельные ряды камней (Диевукалнс, Кивуткалнс) или устраивали камерообразные конструкции из камней (Клангюкалнс). К середине I тысячелетия до н. э. относятся деревянные камеры срубной конструкции в ядре вала укрепленного поселения Кивуткалнс. В Диевукалнсе, Винакалнсе (рис. 4, а) и Кивуткалнсе наружные склоны валов были обложены камнями. Каменная кладка на Диевукалнсе и Кивуткалнсе достигала высоты около 2, а на Винакалнсе даже до 4 м. Каменная кладка валов Диевукалнса и Винакалнса была покрыта слоем глины (рис. 4, б). Иногда слоем глины покрыты и земляные насыпи валов (Клангюкалнс, Кивуткалнс).

В оборонительной системе поселения Брикули (восточная Латвия), состоящей из двух валов, двух рвов и палисада, обнаружена башнеобразная постройка округленной формы (диаметром около 2,4 м), к которой с двух противоположных сторон примыкали оборонительные стены [14, стр. 90]. К сожалению, более подробных доказательств существования оборонительных башен уже в I тысячелетии до н. э. или в самом начале н. э. в нашем распоряжении нет.

С середины I тысячелетия до н. э. для увеличения обороноспособности городищ — укрепленных поселений — склоны уже искусственно срезали (Аугустовское городище) или подсыпают (Вязинковка). Так, в середине I тысячелетия до н. э. склоны городища Винакалнс для увеличения крутизны были искусственно приподняты на 1—1,5 м, повышен на 1,5—2 м наиболее пологий северный склон Кивуткалнса (длиной около 40 м), что достигалось путем сооружения деревянных кладок, заполненных слоями песка и глины. Прочность этой конструкции увеличивали вертикально врытые крупные столбы. Глиняная трамбовка для укрепления краев площадки, а по всей вероятности и для повышения ее крутизны обнаружена на Большом городище в Наркунай.

В зависимости от естественных преград на поселениях искусственные оборонительные сооружения образовывали дугу (рис. 5: 1) — городища Даугмале, Кокнесе, Кимийское, полукруг (рис. 5: 2) — Мукукалнс, Старорудицкое, Курмайское или опоясывали поселение кольцом (рис. 5: 3) — Свентес Замки, Эборовичское городище, Ма-

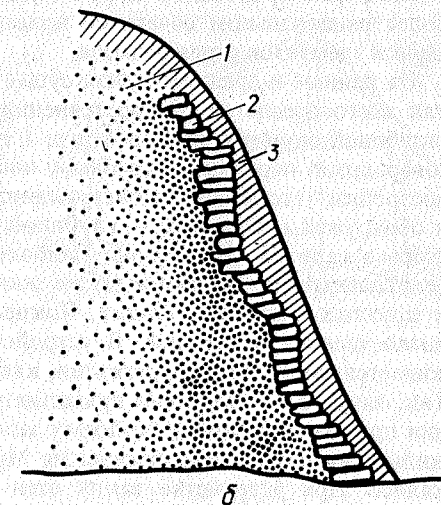
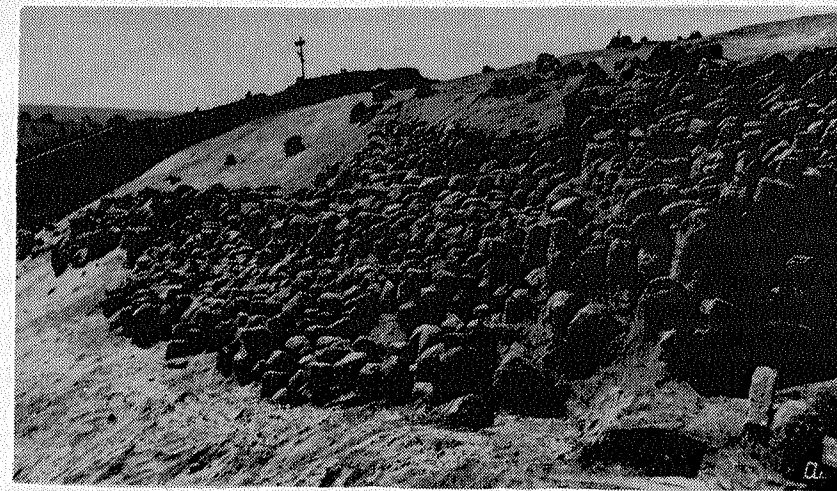

Рис. 4. Каменная кладка (а) на склоне Винакалнс (Латвийская ССР) и реконструкция вала (б): 1 — насыпь вала; 2 — каменная кладка наружного склона; 3 — глиняная обмазка

лышки, Возгеляй. Полностью исследованные городища показали, что через оборонительную систему можно было проникнуть только по одному специально построенному входу. Такой вход обычно устраивался в наиболее труднодоступном месте и дополнительно укреплялся.

К началу н. э. жители ареала штрихованной керамики знали уже все основные элементы (заборы, каменные и деревянные защитные конструкции, валы, рвы) и приемы строительства оборонительных сис-

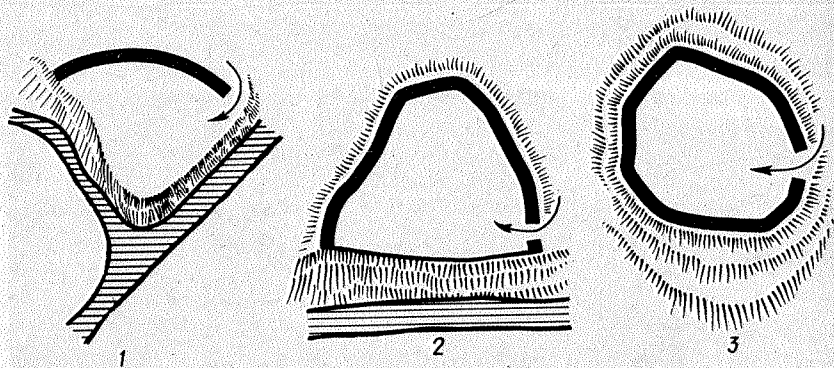

Рис. 5. Виды систем укреплений: 1 — дугообразная; 2 — полукруглая; 3 — кольцеобразная

тем городищ, которые были основными вплоть до появления укреплений совершенно другого типа — каменных крепостей. Дальнейшее развитие оборонительных систем древних городищ выразилось в увеличении размеров валов и рвов, усложнении деревянных сооружений, более рациональном сочетании природных препятствий и разных приемов и элементов строительства.

На раннем и среднем этапах существования штрихованной керамики для всего ареала ее распространения характерны наземные постройки столбовой конструкции. В конце I тысячелетия до н. э. и начале н. э. совершался переход к срубным постройкам, хотя использовались и постройки столбовой конструкции. Углубленные постройки хотя и обнаружены (Паплака — глубиной около 1 м), но очень редки, для этого ареала не характерны. Наиболее распространенными были четырехугольные, но вскрыты также жилища овальной формы (Паплака) и круглых очертаний (Асоте, Кокнесе). Последние чаще всего имели хозяйственное назначение. В устройстве стен жилых построек прослеживается такой же путь развития, как и у оборонительных сооружений. Так, напр., в стенах более примитивных построек столбовой конструкции промежутки между столбами заполнены плетнем (рис. 2: 2). Такие жилые постройки обнаружены на Мукукалнсе, возможно и на Танискалнсе. При устройстве таких стен в постройках и оборонительных системах применяются строительные приемы, сложившиеся в каменном веке [15, att. 2, 3]. Но уже около середины I тысячелетия до н. э., когда в оборонительных системах прослеживается сооружение палисадов, меняется и техника строительства стен построек. Каркасы построек остались столбовыми, но промежутки между столбами стали заполнять вертикально поставленными бревнами (рис. 6: 1, 2) [16, lpp. 171; 17, lpp. 84]. В соседних областях такая техника строительства отмечается уже к концу каменного века, а по мнению И. Лозе, прослеживается и на стоянках Лубанской низменности [15, att. 2, 3].

О постройках более простого типа на укрепленных поселениях свидетельствуют ряды столбовых ям, но на местах построек второго типа ямы столбов обнаруживаются только по углам и середине стен (рис. 6: 3). Во второй половине I тысячелетия до н. э. появляется новый прием (Асоте, Брикули и др.) — промежутки между столбами заполняются горизонтально расположенными бревнами [11, с. 55], которые укладываются между попарно врытыми столбами (Диевукалнс уже около середины I тысячелетия до н. э.), или, как обнаружил А. Г. Митрофанов в Зборовичах, закрепляются концами горизонтально лежащих бревен в пазах столбов [7, с. 20]. Такие приемы строительства предшествуют срубным постройкам. По мнению белорусских исследователей, срубы на этой территории входят в быт приблизительно в III в. н. э., но в Восточной Прибалтике, по всей вероятности, это произошло раньше, одновременно с более широким распространением железных топоров.

В Белоруссии (Зборовичи, Лабенщина) и Литве (Аукштаварис, Имбаре) обнаружены так наз. длинные дома, которые были разделены на небольшие (20–25 м² и менее) жилые помещения [7, с. 20; 18,

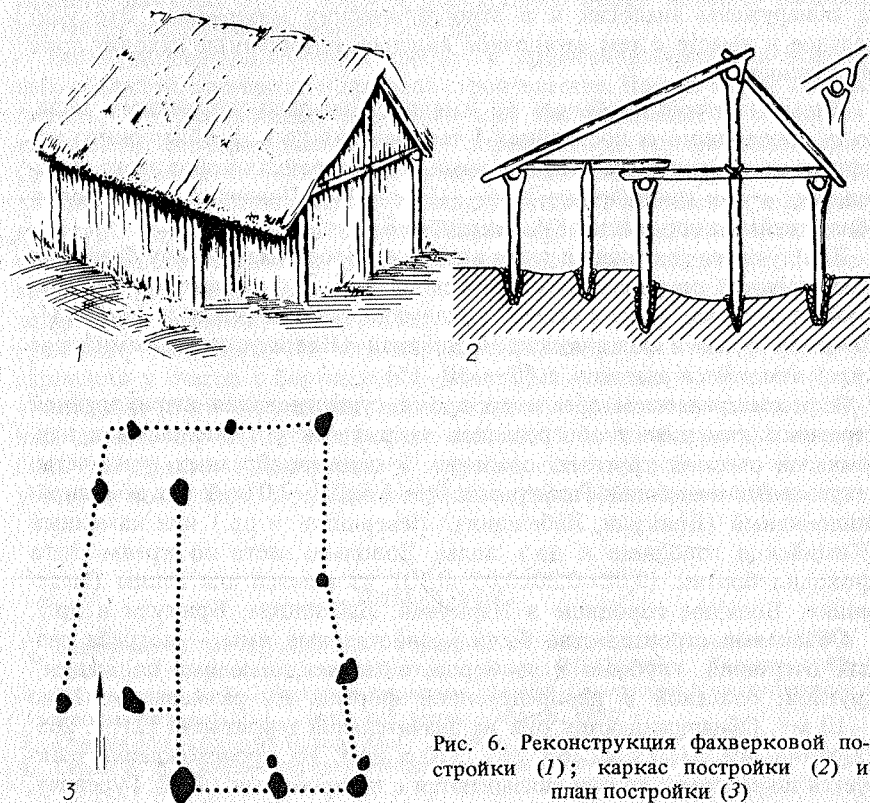

Рис. 6. Реконструкция фахверковой постройки (1); каркас постройки (2) и план постройки (3)

с. 377]. Дома были столбовой (Имбаре, Брикули) и срубной (Вязинка) конструкции. Относящиеся в основном к началу н. э. длинные дома известны на Смоленщине, в Белоруссии, Литве и Польше. Наиболее характерны для изучаемого ареала отдельно стоящие четырехугольные жилые постройки столбовой конструкции, которые существуют как в I тысячелетии до н. э., так еще и в начале н. э. Такие постройки по размерам небольшие (16–28 м²). Они, по всей вероятности, отражают процесс выделения из больших семей малых (распад первобытной общины).

Особого упоминания заслуживают большие дома из городища Мальшки. По описанию А. Г. Митрофанова [7, с. 23–25, рис. 10], там обнаружены 4 больших дома (размеры 13,7х8; 17,5х8; 16,5х7,5 и 17,5–17,8х7,5–7,8 м), каждый из которых имел по 4 жилых камеры с открытыми очагами. Такой большой дом глухой стеной разделялся на две половины, где имелись по два жилых, отделенных коридором помещения. Снаружи вход вел в эти коридоры и только из них можно было попасть в жилые помещения. Постройки такой сложной планировки в других местах рассматриваемого ареала не обнаружены. Не известны такие постройки ни в ранних, ни в позднейших столетиях, не обнаружены аналогии и в этнографических материалах. Это уникальное и вместе с тем загадочное явление, которому не находят пока объяснения.

Жилые постройки обычно не имели специально устроенного пола, но на Неверишке в постройках I тысячелетия до н. э. обнаружены каменные вымостки с очагами над ними, а в постройках конца этого тысячелетия — уже глинобитные полы [19, с. 434]. Признаки таких полов обнаружены на городищах Кивуткалнс и Брикули.

Для лучшего сохранения тепла внутри построек пазы между бревнами с внутренней стороны замазывались глиной. На территории Латвии, а также в Литве такое явление прослеживается с начала н. э. [5, с. 131; 20, р. 317], но в белорусских городищах (Новосельское, Кимийское и др.) отмечается уже до н. э. [7, с. 10–15].

В рассматриваемом ареале во время существования штрихованной керамики помещения обогревались открытыми углубленными и надземными очагами круглых, овальных и подковообразных, реже четырехугольных очертаний. Размеры их 0,5–1,5х0,7–2,0 м. У них земляной, глинобитный (Брикули, Лабенщина, Неверишке и др.) или каменный (Кимийское городище и др.) полы. Довольно часто по краям очага проходил бортик (0,08–0,20х0,05–0,10) из камней или глины (Неверишке, Большое городище в Наркунай, Лабенщина, Брикули и др.).

Объектами строительства были хозяйственные ямы — погребя разных очертаний, глубины и размеров, а также „каменные площадки” круглой, овальной и неопределенной формы, их размеры от 1 до 5–10 м². Обнаруживаются они на значительной территории [21, с. 265; 22, с. 42, 49, 53; 23, с. 363, 367, 370 и др.]. Их происхождение трактуется по-разному: то они связываются с постройками (Ф. Д. Гуревич),

то рассматриваются как выбросы из очагов (Я. В. Станкевич) или как скопления камней для оборонительных целей (П. Н. Третьяков).

Постройки располагались по краям площадок и тесно примыкали к оборонительным сооружениям. В Мукукалнсе, Диевукалнсе, Зборовичах, Аукштадварисе наружные стены построек были даже частью защитной стены. В Зборовичском городище в качестве наружной стены жилой постройки использовался земляной вал. На некоторых ранних городищах (Асотское, Мукукалнс и др.) древнейшие постройки обнаружены на склонах, в местах, защищенных от преобладающих ветров. Такое размещение жилых построек уменьшало обороноспособность поселения, но, очевидно, было необходимо для сохранения тепла в жилых постройках.

В археологических материалах нет достоверных данных о конструкциях крыш, но признается строительство как односкатных, так и двухскатных перекрытий. Неясной остается конструкция крыш больших домов на городище Мальшки.

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы позволяют проследить развитие строительства на территории распространения штрихованной керамики только в общих чертах. Для более подробного изучения этого вопроса необходимы новые полевые работы, требуется полное исследование городищ.

Более детального изучения требует и этническая атрибуция отдельных объектов, элементов и приемов строительства. Но уже сейчас можно сказать, что укрепленные поселения как тип поселений не являются этнической особенностью какой-то определенной группы населения. Они характерны не только для ареала штрихованной керамики, но и для дьяковской, верхнеокской, днепро-двинской, юхновской и других культур. Они связаны с определенным уровнем экономического и общественного развития, частично с природными условиями (топография). Для территории балтских племен в рассматриваемое время характерны наземные постройки столбовой конструкции четырехугольного очертания. По всей вероятности, такая же область распространения у очагов с бортиками и „каменных площадок”. То, что пока в западной части территории штрихованной керамики не знаем длинных домов, что там до сих пор не известны очаги с бортиком, может быть результатом недостаточной изученности этой области. Следует учесть и возможные хронологические и территориальные особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Граудонис Я. Я. Штрихованная керамика на территории Латвийской ССР и некоторые вопросы этногенеза балтов. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
2. Митрофанов А. Г. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Минск, 1955.
3. Очерки по археологии Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1970, ч. 1.
4. Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. — М.: Наука, 1970.

5. Граудонис Я. Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — Рига: Зинатне, 1967.
6. LAR. — Rīga: Zinātne, 1974.
7. Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.—VIII в. н. э.). — Минск: Наука и техника, 1978.
8. Граудонис Я. Я. Строительство на Икшкильском Винакалсе. — In: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn: Valgus, 1970.
9. Graudonis J. Die befestigte Siedlung Mūkukalna in Lettland. — Suomen Museo, 1966.
10. Graudonis J. Apdzīvotība un celtniecība Mūkukalnā. — AE, 1978, t. XII.
11. Шноре Э. Д. Асотское городище. — В кн.: МИАЛ. Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1961, т. 2.
12. Волкайте-Куликаускаене Р., Куликаускас П., Лухтан А. Раскопки в местности Наркунай. — АО—1978, М., 1979.
13. Zariņa A. Izrakumi Lielvārdē 1979. gadā. — ZASM — 1979, Rīga, 1980.
14. Vasks A. Brikču nocietinātā apmetne. — ZASM — 1978, Rīga, 1979.
15. Loze I. Neolīta celtņu vietas Austrumbaltijā. — AE, 1978, t. XII.
16. Stubavs A. Arheoloģiskie izrakumi Koknesē 1964. gadā. — Zinātniskas atskaites referātu tēzes par arheologu, etnogrāfu un folkloristu 1964. gadā ekspedīcijām. Arheoloģijas sekcija. — Rīga, 1965.
17. Vasks A. Izrakumi Brikču apmetnē 1977. gadā. — ZASM — 1977, Rīga, 1978.
18. Даугудис В. Раскопки городища и селища Имбаре. — АО—1979, М., 1980.
19. Григалавичене Е. Раскопки городища Неверишке. — АО—1977, М., 1978.
20. Kulikauskas P. Seniausi pastatai Lietuvoje. — Lietuvos TSR architektūros klausimai. — К., 1960, 1.
21. Шут К. П. Городище Кубличи Ушачского района. — В кн.: ДБ. Минск, 1970.
22. Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и II тысячелетиях н. э. — МИА, 1966, № 76.
23. Гуревич Ф. Д. Из истории юго-востока Прибалтики. — МИА, 1966, № 76.

GEBÄUDE IM AREAL DER STRICKKERAMIK

J. Graudonis

Zusammenfassung

Im Verbreitungsgebiet der Strickkeramik entstanden um die Wende des 1. Jt. v. u. Z. befestigte Siedlungen, die in der ersten Hälfte und um die Mitte des 1. Jt. v. u. Z. zum vorherrschenden Siedlungstypus wurden. Der vorliegende Artikel behandelt die Bauweise der Wohn- und Befestigungsbauten dieser Siedlungen.

Befestigte Siedlungen wurden auf Moränenhügeln (Abb. 1), auf vorspringenden Landzungen an Flüssen und Seen, auf Moränenausläufern, an grasigen Auen und Flächen mit fruchtbaren leichten Böden, an fischreichen Gewässern und waldreichen Jagdgebieten angelegt. In der Mitte hatten sie einen freien Platz; dieser war von Bauten umgeben, um die sich ein Befestigungsgürtel hinzog.

Die frühesten Siedlungen dieser Art waren durch Pfahlzäune geschützt. Anfänglich (in der ersten Hälfte des 1. Jt. v. u. Z.) waren es Flechtzäune, bei denen die Zwischenräume zwischen den Pfosten mit Flechtwerk ausgefüllt waren (Abb. 2:2), und späterhin (um die Mitte des 1. Jt. v. u. Z.) Palisadenzäune (Abb. 3:2). Der Verlauf der ersten ist an den Pfostenrinnen (Abb. 2:1), der letzteren an den Gräben (Abb. 3:1) zu erkennen. Um die Mitte des 1. Jt. v. u. Z. gab es schon Schutzwände mit Liegebalken zwischen den Pfosten und gegen Ende des Jahrtausends in Blockbautechnik errichtete Befestigungen. Ebenfalls um die Mitte des 1. Jt. v. u. Z. begann man auch, Erdwälle aufzuschütten und Schutzgräben einzurichten. Die Verteidigungsfähigkeit der Befestigungen wurde vergrößert, indem man die Wälle erhöhte und die Abhänge durch Steinaufschüttungen und eingebaute Blockkammern steiler machte; auch wurden die Abhänge mit

Steinen (Abb. 4:1, 2:2) oder Lehm (Abb. 4:2, 3) bedeckt. Die Befestigungen wurden bogen-, halbkreis- oder ringförmig (Abb. 5) um die Siedlung angelegt. Die letztere hatten nur einen eigens ausgebauten Eingang.

Die Gebäude standen dicht an den Befestigungswänden und waren teilweise an sie angebaut, so dass die Befestigungswand auch als Hauswand diente (Abb. 2:2). Kennzeichnend für das Verbreitungsgebiet der Strickkeramik sind ebenerdige viereckige, 2,5—4,5x4—5 m grosse Pfostenbauten, jedoch gab es auch in den Erdboden eingetiefte, im Grundriss ovale oder kreisförmige sowie sogenannte „lange Häuser“. Die Wände der ältesten Bauwerke waren aus Flechtwerk (Abb. 2:2). Um die Mitte des 1. Jt. v. u. Z. traten Stangenbauten (Abb. 6) und gegen Ende des Jahrtausends auch Blockbauten in Erscheinung. Bereits im 1. Jt. v. u. Z. besaßen die Häuser Stein- oder Stampflehmböden. Zur Erhöhung der Wärmebeständigkeit dichtete man (in Belorussland bereits im 1. Jt. v. u. Z., andernorts zu Beginn u. Z.) die Ritzen zwischen den Balken mit Lehm ab. Die Häuser hatten Pult- oder Satteldächer. Zur Beheizung dienten kreisförmige, ovale oder hufeisenförmige, in den Erdboden eingetiefte oder ebenerdige, 0,5—1,5x0,7—2 m grosse Herdstellen, von denen manche eine steinerne oder aus Lehm geformte Umrandung hatten. Die Häuser waren mit Proviantgruben versehen. Auf den Burgbergen wurden auch sogenannte „Steinfelder“ („Steinplätze“) aufgedeckt, deren Zweckbestimmung noch nicht geklärt ist.

Die befestigte Siedlung entspricht als Siedlungstypus einer bestimmten sozialökonomischen Entwicklungsstufe, ohne für eine bestimmte ethnische Gruppe kennzeichnend zu sein. Dagegen scheinen die ebenerdigen Pfostenbauten, die umrandeten Herdstellen und die Steinaufschüttungen ein charakteristisches Merkmal der von Balten bewohnten Gebiete zu sein.